

УДК 93/94

© *Н.В. Стариков*

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

nv-rost@yandex.ru

КОНСПИРАТИВИСТСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КОМИНФОРМА: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

**[Starikov N.V. Conspiratorial Mentality of the Cominform:
the Peculiarities of the "Cold War" Political Mentality]**

The article is devoted to conspiratorial mentality of the Cominform (Communist Information Bureau): the peculiarities of the "Cold War" political mentality. This article shows the activity of Cominform as a derivative of collectivist-socialist mentality. The Cominform mentality highlighted the meaning of the blocking policy tool activities on the background of the "cold war" and the Eastern Europe sovietisation. In the USSR the conspiratorial mentality stemmed from the permanent mobilization and demonstrative populism. The comparative analysis of the conspiracism in the left and right political sectors enabled the author to draw the conclusion about the similarity. As a unity of conscious and subconscious beliefs and values, norms, forms of accepted and intolerable behaviour the conspiratorial mentality represents a system of binary oppositions.

Key words: conspiratorial, mentality, Cominform, Eastern Europe, USSR, political control, image of enemy, political history, political culture.

Производное коллективистско-социалистического менталитета конспиративистская ментальность 1940 – 1950-х гг. была связана с новым геополитическим пространством, основывалась на устремлениях и покровительстве государства, служила ему. Ментальность Коминформа подчеркивала содержательную сторону деятельности этого инструмента блоковой политики в условиях советизации Восточной Европы и разворачивания «холодной войны».

Деятельность Коминформа – порождения большевистской политической культуры – полно воплощала тенденции закрытости, присущие советской политической системе. Принятые в обиходе и документации камуфлирование партийных структур под научно-исследовательские институты, конспирация фамилий (Жданов – «Сергеев», Маленков – «Борисов», Сталин – «Филиппов» и др.), «безадресность» адресов, шифрограммы, коды; номерные

спецбюро и специнституты, закрытые группы; нелегальные сети советских советников, «почтовые ящики» – это лишь часть невидимого пространства, призванного формировать угодный Сталину мировой порядок.

Механизм власти, функционировавший в 1940–1950-х гг. основывался на предельной персонификации власти и секретности; утвердилась практика тайного принятия важных политических решений, которые позже оформлялись как «коллективное решение партии». Покрову секретности соответствовал скрытый механизм взаимодействия всех властных структур по вертикали и горизонтали. Тайная инфраструктура связывала секретариат ЦК ВКП(б) со всеми назначенными им партийными функционерами и руководителями государственных органов.

Секретный механизм сталинской власти скрывал действительные цели партийной верхушки, авторство важнейших решений, мотивы их принятия и сами эти решения.

Предрасположенность Коминформа к конспиративизму связана с рядом факторов: инерцией Коминтерна, опытом и потенциалом советского Агитпропа, еврофобиями Сталина, отсутствием легитимного пространства для политических дискуссий.

База роста конспиративизма – практика советских спецслужб, эксплуатация политических мифов, конверсия «образа врага». Основа – теория и алгоритм политического «заговора».

Применительно к СССР конспиративистская ментальность Коминформа опосредовалась перманентной мобилизацией и демонстрационным популизмом. Поддерживались мифологемы политико-идеологических кампании, символика показательных процессов в Восточной Европе, транслировались литеры особых совещаний: ВАД (восхваление американской демократии), КРД (контрреволюционная деятельность) и др.

Конспиративизм Коминформа полно воплощал социалистическую традицию, одновременно – это вариант классического волонтаризма; отражение мифосимволического пространства послевоенной Европы и новая стадия конспиративной ментальности по сравнению с ментальностью Коминтерна; способ мышления, духовный настрой, мировоззрение, выражение группового сознания и, одновременно, особая форма иррациональности. Как мировосприятие и самосознание, менталитет Коминформа был сопряжен с идеологией, но при этом не являлся ее теневой структурой.

Субъектно-деятельностный подход к изучению политического менталитета позволяет выделять конспиративистскую ментальность Коминформа как самостоятельный уровень субъектности в том числе в соотношении с конспиративистскими моделями политико-идеологических кампаний в СССР и странах «народной демократии».

Сравнительные исследования по истории послевоенной Восточной Европы [5], Коминформу [1] истории «холодной войны» [3], публикации источников [4] позволяют углубить контуры конспиративистского менталитета, его эволюцию в Европе и странах советского блока.

Основываясь на трактовках менталитета как самопонимания группы (Ю. Митке); общем тоне долговременных форм поведения в пределах группы (Ф. Граус); выражении повседневного облика коллективного сознания (А. Гуревич), возможно построение модели менталитета Коминформа и выделения уровней изучения политической ментальности, включая конспиративизм как «упорядоченную ментальность».

При этом важно определить смысл, который вкладывается в предикат «конспиративный», учитывая, что литература дает различные определения политического конспиративизма.

Так, обращаясь к его предметной области, Дж. Энтин исходит из того, что «конспиративизм можно рассматривать как менталитет или состояние сознания; его можно также рассматривать как стиль мышления». «Это мировоззрение, свойственное многим классам, а заговор – это инструмент, которым пользовались многие классы, причем не только классы, но и разного рода группы и подгруппы» [6].

Сопоставительный анализ конспиративизма в левой и правой части политического спектра позволил автору сделать выводы о схожести и даже идентичности конспиративистского менталитета, их мощном манипулятивном потенциале.

Имея в виду различия, Энтин применительно к левой разновидности выделяет символизм, утопизм и отсутствие собственной демонологии, ссылок на потусторонние силы. «Конспиративизм и утопизм, по-видимому, существуют где-то между молотом мифа и наковальной паранойи». Формы бытования конспиративизма в СССР и США, отмеченные автором, тесно связаны с мифологией. Не случайно конспиративизм рассматривается им как

одна из трех разновидностей мифологического мышления, причем в этой триаде утопизм, фундаментализм и конспиративизм – взаимно дополняющие, а иногда соперничающие формы.

Позиция Дж. Энтина, намечая перспективы изучения конспиративистской ментальности, в т.ч. Коминформа, оставляет в стороне подходы к подбору методов анализа ментальности: по степени принадлежности; по специфике функций; на основе системности и динамики; с учетом обоснования новых стратегий. При этом она подчеркивает значимость изучения причин устойчивости конспиративистских ценностей и норм поведения, обусловивших регрессивный характер развития социалистической системы. Обращение к особенностям политической среды, специфике партийной морали и форм организации политической жизни в странах Восточной Европы, специфике советских политических институтов как совокупности норм, правил и механизмов принуждения к их исполнению позволяет глубже выявить ценности и нормы поведения, присущие структурам Коминформа.

Данная задача может быть решена при рассмотрении конспиративистской ментальности как сложившегося долговременного умонастроения, единства сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении.

Как совокупность осознанных и неосознанных представлений и ценностей, установок, форм принятого и отвергаемого поведения конспиративистский менталитет Коминформа представлял собой бинарные оппозиции. Это подтверждает Р. Хофштадтер: «мир конспиративиста радикально дуален и полон угроз; в нем проводится четкая грань между силами добра и силами зла, причем последние одерживают верх [7].

Рациональное и эмоциональное, сознательное и бессознательное, индивидуальное и общественное — все эти оппозиции «пересекались» на уровне конспиративистской ментальности, растворяясь в ее структурах.

Можно предположить, что бинарность конспиративистской ментальности обусловлена тем, что ее неосознанные структуры являлись более устойчивыми образованиями и были менее подверженными изменениям. Осознанные структуры политического менталитета наоборот, были более динамичны и склонны к диверсификации. Это можно подтвердить сравнением конспиративизма Коминформа и мифо-символики советского Торжества, когда в идео-

логическом осмыслении, гражданском прочтении и общенародном восприятии “чужое” представлялось несколько иначе, нежели в повседневной практике (800-летие Москвы, 70-летие Сталина и др.). В этом проявлялась амбивалентность образа внешнего врага: функциональный для укрепления внутренней интеграции, политической однородности и социетальной идентичности, он оказывался дисфункциональным для современности, требующей толерантности и культурного многообразия.

Советские торжества – часть государственной политики – проектируя политическое будущее, являли форму вербальной и невербальной коммуникации власти и подданных, необходимо включали элементы благодеяния, принесение «жертвы нашей благодарности»; они включали элементы сакрализации, раздачу милостей и т.д. Благодарственные речи, печатные программы, памятники и т.п. апеллировали к чувствам и разуму. Ядро праздника составляло величественное действо с расписанным сценарием; поведение каждого участника регламентировалось. При ощущении соучастия в общем торжестве каждый оставался в рамках своего статуса. Само торжественное действие воссоздавало модель советской структуры государства, но осуществлялось оно вне тайнства и конспирации.

Образ врага – ключевой в ментальности Коминформа. Как показала А. Белоконова [2], его конструирование осуществлялось посредством формирования враждебных представлений об Они-группах и исходящих от них угрозах, что связывалось с потребностями формирования внутригрупповой идентификации Мы-группы.

Переход к «оттепели», модификация задач и функций Коминформа изменили его конспиративистскую ментальность, при этом она продолжала оставаться причиной сопротивления переменам в социополитической и идеологической сферах. Последующая ее трансформация связана с постепенным изживанием большевизма и, одновременно, укоренением «образа врага».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. 1947-1956. М. 1994. *Гибянский Л. Я.* Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993. № 4. *Его же.* Коминформ в действии. 1947-1948 гг.: По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
2. *Белоконева А.С.* Конструирование образа врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны». М., 2004.
3. Советское общество: будни холодной войны / Под ред. В.С. Лельчука, Г. Ш. Сагателяна. М., 2000; Сталинское десятилетие «холодной войны»: факты и гипотезы. М., 2000; СССР и холодная война / Под ред. В.С. Лельчука, Е. И. Пивовара. М., 1995; Холодная война: новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995; и др.
4. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Ред. Г.М. Адибеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я. Гибянский, Ф.Гори, С.Понс. М., 1998. Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 гг. В 2-х т. М., 1999; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953 гг. Т. 1: 1944-1948 гг., 1997; Коминтерн и вторая мировая война. В 2-х частях. М. 1994, 1998; *Андерсон К.М.* Новый облик Коминтерна // Отечественные архивы. 1998. № 1.
5. Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944-1948 / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2002; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа, 1949-1953: Очерки истории. М., 2002; *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944-1948 гг. Очерки истории. М., 1998; У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944-1949 гг. / Отв. ред. Л.Я. Гибянский. М., 1995.
6. *Энтин Дж.* Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000 г. № 4.
7. *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics and other Essays. New York. 1965.

REFERENCES

1. *Adibekov G.M.* Cominform and post-war Europe. 1947-1956. M. 1994. *Gibiensky L.Y.* How was the Cominform formed. Under the new archival materials // Modern and Contemporary History. 1993. No 4. Ibid. Cominform in action. 1947-1948 biennium.: According to archival documents // Modern and Contemporary History. 1996. No 2.
2. *Belokoneva A.S.* Construction of the image of the enemy: the Soviet media research and official documents beginning of the "cold war ." Moscow, 2004.
3. Soviet society: life of the Cold War / ed. V.S. Lelchuk , G. Sh. Saghatelian. M., 2000, Stalin decade "cold war": facts and hypotheses. M., 2000, the Soviet Union and the Cold War / ed. V.S. Lelchuk, E.I. Pivovarov. M., 1995, The Cold War: new approaches, new documents. M., 1995, etc.
4. Meeting of the Cominform, 1947, 1948, 1949. Documents and Materials / Ed. G.M. Adibekov, A. Di Biagio, L.Y. Gibiansky, F.Gori , S.Pons. M., 1998. Soviet factor in Eastern Europe. 1944-1953. In 2 volumes, Moscow, 1999; Eastern Europe in documents from Russian archives. 1944-1953. Volume 1: 1944-1948, 1997, the Comintern and the Second World War. In two parts. M. 1994.1998; *Anderson K.M.* The New Face of the Comintern // Domestic archives. 1998. No 1.
5. Totalitarianism: The historical experience of Eastern Europe. "Democratic intermezzo" communist finale, 1944-1948. Moscow, 2002; *Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskov A.F., Pokivaylova T.A.* Moscow and Eastern Europe. Formation of political regimes of the Soviet type, 1949-1953: Essays on the History. Moscow, 2002; *Volokitina T.* "Cold War" and the Social Democracy in Eastern Europe. 1944-1948. Sketches of history. M., 1998, At the root of the "socialist commonwealth": the Soviet Union and Eastern European countries in 1944-1949. / Ed. Ed. LY Gibiansky. M., 1995.
6. *Entin J.* Conspiracy theories and konspirativistsky mentality // Modern and Contemporary History. 2000. No. 4.
7. *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics and other Essays. New York. 1965.

24 февраля 2014 г.